

готовность многих историков Челябинского университета адекватно отреагировать на методологический вызов новейшего времени.

Таким образом, в системе традиций историографических исследований Уральского региона в целом просматриваются различные тенденции. Они, вероятно, способны содействовать взаимному обогащению исследовательских стратегий историографов, работающих в несовпадающих методологических полях и при помощи различного методического инструментария.

В связи со сказанным, хотелось бы обратиться к историко-научной общественности с предложением наметить программу коллективных творческих усилий в виде историографических конференций различного профиля, научно-практических семинаров, связанных, например, с преподаванием историографии в вузах, совместных изданий научной продукции. В частности, представляется актуальной разработка коллективного проекта по выявлению и переизданию сочинений уральских историков и публицистов историко-краеведческого профиля XIX – XX вв. Само собой разумеется, что речь должна идти о наиболее значимых фигурах в интеллектуальном пространстве Урала, исследования которых стали к сегодняшнему дню раритетными.

Вероятно, координатором предлагаемого начинания мог бы стать Институт истории и археологии УрО РАН, который способен соединить творческий потенциал историков и историографов многих уральских вузов. Предлагаемая идея в процессе ее реализации могла бы лечь в основу создания, как портретной галереи уральских исследователей, так и очерков по уральской историографии, которая пока существует во фрагментарном состоянии. Очевидно, что процесс работы над проектом дал бы возможность инициировать и другие историографические идеи. Нельзя при этом исключать необходимости поддержки историографических исследований, ориентированных на изучение истории исторической науки в ее общероссийском измерении, поскольку «замыкание» историографических исследований сугубо региональными рамками способно привести к нежелательным последствиям научной автаркии.

Полагаю, что усилия для формирования развитой культуры научных коммуникаций в Уральском регионе будет способствовать консолидации историографов, а укрепление научной корпоративности приведет к обновлению историографического знания, расширению историографических интересов, росту историографической и методологической культуры в широкой среде историков.

**Е.Ю. Алкаримова
Екатеринбург**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В ИСТОРИОГРАФИИ

Со временем заметно растет интерес исследователей к традиционной для этнографической науки проблеме общественного быта горожан дореволюционной России. Важность и актуальность изучения общественного быта городского населения России обусловлена той важной ролью, которую город играл и играет на протяжении всей истории России, которая все больше возрастала в процессе урбанизации. Л.А.Анохина и М.Н.Шмелева справедливо отмечают: «Городское население всегда вносило большой вклад в формирование культуры и быта народа, участвовало и участвует в создании национальных традиций. В городе вырабатываются многие прогрессивные черты общественного быта, материальной культуры, в ряде случаев получают более яркое и полное выражение отдельные народные обычаи и обряды, многие культурные новшества, оказывающие влияние на духовную жизнь всего народа»¹⁸.

¹⁸ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977. С.4.

Обоснованным представляется регионально ориентированный подход к изучению проблемы. В частности, на примере городов средней полосы России этнографам удалось раскрыть общие черты и локальные особенности городского быта, свойственные данному региону¹⁹. Данная статья посвящена проблеме общественного быта уральского города во второй половине XIX – начале XX в. в историографическом контексте.

В научной литературе устоялся более широкий подход к определению понятия быт. Л.А.Анохина, В.Ю.Крупянская и М.Н.Шмелева определяют быт как «повседневный образ жизни людей, основывающийся на привычном распорядке, традициях, установившихся отношениях между людьми и иных явлениях, сложившихся в процессе общественной (в том числе и производственной) деятельности людей, в их семейном и домашнем обиходе». С этой точки зрения выделяется быт общественный, производственный и домашний. «В быту, - отмечают этнографы, - находят свое проявление и в значительной мере определяют его три важнейшие стороны жизни: материально-экономическая (формы и способы удовлетворения потребностей людей в питании, одежде, жилище, предметах домашнего обихода и т.п.), общественно-культурная (формы и способы удовлетворения общественных и культурных запросов) и моральная, характеризующая взаимоотношения между людьми (в семье, на производстве, в процессе общественной деятельности)»²⁰.

Более широкого толкования придерживаются специалисты и относительно понятия «общественный быт», разумея под ним не только ту сторону повседневной жизни людей, которая связана с проведением их досуга, с празднествами и развлечениями, обычаями и обрядами. По мнению Л.А.Анохиной, В.Ю.Крупянской и М.Н.Шмелевой в это понятие «входит и тот уклад жизни, который создается в связи с теми или иными формами общественно-политической, хозяйственной и культурной деятельности людей, стал для них привычным, вошел в традицию»²¹.

К изучению общественного быта горожан отдельных регионов России в разных временных границах обращались в дальнейшем другие ученые, способствуя развитию региональной этнографии города. Исследователи изучали такие аспекты общественного быта российского города как городское самоуправление, особенности общественного быта отдельных сословно-профессиональных групп горожан, религиозную жизнь, общественные формы проведения досуга и отдыха, городские праздники²².

При изучении различных аспектов истории российского города (и в частности, его общественного быта) объектом исследования, как правило, являются официально признанные города, т.к. лишь они обладали особой административно-управленческой функцией. Опыт изучения официальных городов в конкретно историческом плане уже имеет место в историографии²³. Данной точки зрения придерживаются, например, Б.Н.Миронов²⁴, Е.Ю. Алферова²⁵. П.Г.Рындзюнский также признает, что изучение населенных пунктов, официально признававшихся городами, имеет свой особый смысл и значение, т.к. в этих поселениях существовали «особые административные порядки, свойственные городам, в них обосновывались свои сословные корпорации, особая

¹⁹ Там же. С.3-17.

²⁰ Анохина Л.А., В.Ю.Крупянская, Шмелева М.Н. Быт и его преобразование в период построения социализма // Советская этнография. 1965. № 4. С.16-17.

²¹ Там же. С.18.

²² Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Куприянов А.И. Общественный быт горожан Западной Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1987; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н.Зорин, Н.В.Зорин, А.П.Каплуновский, Э.Б.Каплуновская, Е.В.Клюшина, Л.Хэфнер. Ульяновск, 2000; Гаврилова Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ...к.и.н. Иркутск, 2002.

²³ Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60-90-е годы XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 1992. С.4.

²⁴ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы. С.196.

²⁵ Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60-90-е годы XIX в. Свердловск, 1991.

организация общественной жизни, имелся специфический городской состав населения». Поэтому, по его мнению, «рассмотрение городов в том их составе, каким он был официально признан, получает свое оправдание и представляется единственно возможным»²⁶.

Что касается методологических и теоретико-концептуальных подходов к изучению общественного быта, то думается, что здесь уместно сближение исторической и этнографической наук с их собственными инструментариями. Об этом свидетельствуют также исследования в русле исторической антропологии. Новые подходы, в частности, применяются в исследованиях, посвященных истории городских общественных организаций. К слову сказать, иностранные специалисты отмечают в целом недостаточную исследованность проблемы объединений и ассоциаций в новое время.

Так, современный исследователь Люц Хэфнер констатировал, что «несмотря на все опубликованные до сих пор работы по городской истории в самом широком смысле этого слова, которые, прежде всего в англоязычной литературе, под влиянием концепции урбанистической истории (urban history) описывают город как жизненное и многогранное культурное пространство, проблема ассоциаций и объединений была непростоительно мало исследована». Сам он относится к числу исследователей, которые с подходов микроистории рассматривают добровольное объединение граждан (в том числе и в российской провинции) в качестве центральной культурной инстанции общественного развития. «Оно, имея направленность убежища гармоничной социальной интеракции, - пишет Люц Хэфнер, - может рассматриваться не только как место символической практики и репрезентативных форм или самоописания общества и его представлений о порядке, но и, как промежуточная система, выполняющая функцию посредника между индивидуумом и комплексными структурами более высокого порядка. Объединение действует как пространство уплотненной коммуникации, именно как «социальное пространство»²⁷.

По мнению Пьера Бурдьё объединения являлись, в широком смысле понимания этого слова, институализированными полями культурной практики, на которых воспроизводились различные формы коммуникации и интеракции. Манеры и стиль рассматриваются им не только как символические манифестации, но и как стратегическое средство для выражения своей высокой значимости»²⁸.

Исследование общественного быта горожан Уральского региона сравнительно недавно стало предметом внимания специалистов в контексте изучения повседневной жизни уральского города в XVIII – начале XX в.²⁹ Впрочем, в уральской историографии

²⁶ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С.126-127.

²⁷ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н.Зорин, Н.В.Зорин, А.П.Каплуновский, Э.Б.Каплуновская, Е.В.Клошина, Л.Хэфнер. Ульяновск, 2000. С.468, 517-518.

²⁸ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н.Зорин, Н.В.Зорин, А.П.Каплуновский, Э.Б.Каплуновская, Е.В.Клошина, Л.Хэфнер. С.519.

²⁹ См.: Яхно О.Н. Образ жизни жителей Екатеринбурга рубежа XIX – XX вв.: проблемы реконструкции // Город Екатеринбург: историко-культурное наследие и современность. Екатеринбург, 1996. С. 90-95; Она же. «Образ города» в периодической печати Екатеринбурга рубежа XIX – XX вв. // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 1998. Ч.1. С. 90-93; Она же. Индустриализация рубежа XIX-XX вв. и изменения в образе жизни городского населения Урала // Урал индустриальный: Вторая региональная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 1998. С. 124-126; Она же. Новое в быту горожан Пермской губернии на рубеже XIX-XX вв. // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч.1. С. 376-379; Она же. Представления о телесности горожан на рубеже XIX-XX вв. (на материалах Урала) // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докл. и сообщ. Екатеринбург, 1999. С. 307-311; Она же. Повседневная жизнь горожан российской провинции на рубеже XIX-XX вв.: методологические и конкретно-исторические аспекты // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2001. № 7. С. 244-254; Она же. Общественные разделения в Екатеринбурге начала XX в. // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докл. Екатеринбург, 2002. С. 87-90; Она же. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX- начале XX в. Автореф. дс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в. Очерки. Екатеринбург, 2002; Уральский город XVIII – начала XX

практикуются и другие методологические подходы к изучению общественной жизни уральского города, в частности, в рамках теории модернизации. При этом вторая половина XIX – начало XX в. рассматривается в качестве отдельного, достаточно автономного этапа российской модернизации³⁰. Традиционных исторических методов исследования придерживаются специалисты по истории Русской Православной Церкви, уделяя внимание конфессиональным аспектам общественного быта³¹.

Другим аспектом такой широкой темы, какой является общественный быт, является история городского самоуправления, как в стране, так и в ее отдельных регионах. В дореволюционный период в российских городах действовали как институты общегородского уровня самоуправления и сословные самоуправляющиеся общества. Появление сословных корпораций с правами юридического лица произошло в России в эпоху Петра I в результате магистерской реформы. Купцы объединялись в гильдии (сначала их было две, затем три). Каждая гильдия имела свой сход, на котором выбирались староста и его помощники (старшины). Гильдия обладала собственностью и капиталами и выполняла различные функции (прежде всего, социально-экономические). Ремесленники объединялись по профессиям в цехи, состоявшие из мастеров, подмастерьев и учеников. Более четкое разделение податного городского населения на ремесленников, мещан и купцов трех гильдий и юридическое закрепление их корпоративных организаций в виде ремесленного, мещанского и купеческого обществ было связано социальной реформой 1875 г.³²

В уральских городах со времени их возникновения существовали развитые традиции мирского управления³³. Развитие города «характеризовалось определенной рационализацией, нарастанием специализации управленческой деятельности, ростом автономии муниципальных институтов, сопровождавшим процесс отделения города от села, превращением первого в самостоятельную общественную единицу». Постепенно у горожан формировалось убеждение, что делами города должны весть представители городских сословий. Наличие городских сословных органов управления вызывало у горожан определенную гордость и желание их отстаивать в случае угрозы ликвидации или ущемления прав и интересов³⁴.

Городская реформа 1870 г. внесла значительные изменения в систему городского самоуправления. Она вводила всесословное избирательное начало, имущественный ценз, более четкое разграничение распорядительной и исполнительной ветвей городской власти³⁵. В прошлом осталось общегородское собрание (сход) как первичный орган городского самоуправления, обладавший широкими распорядительными функциями («общество градское» в своей деятельности могло даже выходить за рамки закона, решая

в: проблемы социальной истории: Сборник научных статей. Ответств. ред. докт. ист. наук, проф. Н.А.Миненко. Екатеринбург, 2004; Миненко Н.А., Алкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.

³⁰ Побережников И.В. Общество в контексте модернизации: Урал во второй XIX – начале XX в. // Российская модернизация XIX – XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997. С.37; Постышков С.П., Яхно О.Н. Формирование городского образа жизни // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 227-243.

³¹ См., например: Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). М., 1999.

³² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. Т.1. СПб., 1999. С.492-498.

³³ Побережников И.В. Самоуправление городов Урала в XVIII – первой половине XIX века // Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е.Ю.Алкаримова, С.В.Голикова, Н.А.Миненко, И.В.Побережников. М.: Наука, 2003. С.169-242.

³⁴ Там же. С.235.

³⁵ Алкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Урале во второй половине XIX – начале XX века // Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. С.243-312.

самые разнообразные вопросы внутригородской жизни)³⁶. После принятия Городового положения 1870 г. городское общество могло только избирать своих представителей в городскую думу. Отныне всеми делами в городе ведала городская дума – представительный, распорядительный орган городского самоуправления, а реализовывать постановления думы должна была городская управа – исполнительный орган городской власти. «Реформа 1870-х гг., ликвидировавшая такой институт, как «градское» собрание, которое, подобно крестьянскому сходу, являлось главным – распорядительным органом, - заключает историк Н.А.Миненко, - существенно уменьшила демократизм городского самоуправления (хотя формально к участию в нем теперь допускались не только граждане, но и представители других сословий)³⁷.

Вместе с тем, некоторые традиции, характерные для городского самоуправления дореформенного периода, продолжали сохраняться в новых условиях. Так и после реформы 1870 г., наряду с институтами общегородского уровня самоуправления (думами и управами), в городах действовали сословные общества с собственными органами самоуправления. Основой их самоуправленческой жизнедеятельности являлся традиционный общественный сход. На этом (сословном) уровне самоуправления продолжала существовать непосредственная демократия, не замененная представительной.

Между тем история этих самоуправляющихся корпораций остается крайне слабо исследованной³⁸. В частности, что касается мещанских обществ, то в литературе (работы П.Г.Рындзюнского, Д.Брауэра, М.Хайтл) приводятся лишь самые общие сведения. А.П.Капуновский впервые на конкретно-историческом региональном уровне (на материалах Казанской губернии 1870-1918 гг.) обратился к изучению истории русской мещанской общины³⁹. Автор пришел к выводу о том, что и после городской реформы 1870 г. «мещанская община продолжала оставаться неотъемлемой частью городского общественного быта, распространяя свое влияние также и за его пределы – в сферу экономических занятий горожан»⁴⁰.

Исследователь выделяет четыре группы общинных функций: контрольные, хозяйственно-экономические, социальные и религиозно-праздничные, подчеркивая при этом, что «их устойчивое воспроизведение во всех исследованных общинах подтверждает тезис о немаловажной роли мирских форм организации в дореволюционной бытовой культуре русских горожан: в семейном, религиозном и праздничном быту, экономических занятиях и т.д.». Важную роль мещанской общины в жизни дореволюционной России на примере мещанской общины Казани в пореформенный период А.П.Капуновский объясняет прежде всего ее «многофункциональностью и многогранностью», характеризую феномен мещанской общины как «важнейший и живой элемент социальной структуры»⁴¹. Правда, в последнее время высказана и иная точка зрения. Речь идет о Б.Н.Миронове, авторе капитального «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)». Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства». Автор попытался доказать, что «пробывание мещан и ремесленников в обществах потеряло экономический смысл, так как их деятельность стала носить преимущественно благотворительный характер». Он пишет: «Однако вся эта деятельность, очень часто значительная на бумаге, стала осуществляться не столько по

³⁶ Миненко Н.А. Черты общественного быта города Шадринска (конец XVIII – начало XX в.) // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001. С.47-92.

³⁷ Там же. С.90.

³⁸ Капуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870 – 1918 гг. (этно-историческое исследование). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1998. С.7-8.

³⁹ Там же. С.8.

⁴⁰ Там же. С.20.

⁴¹ Капуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870 – 1918 гг. (этно-историческое исследование). Автореф. ... канд. ист. наук. С.21; Он же. Казанская мещанская община в пореформенное время // Вестник Евразии. М., 1996. С.48.

внутренней надобности, как было прежде, сколько в силу обязанности перед государством, по инерции, чисто формально и просто по принуждению – свидетельство трансформации общинных соседских отношений в формальные, общественные.

Дело в том, что сословный строй де-факто умирал, но еще сохранялся де-юре. А раз он продолжал существовать, то закон требовал, чтобы сословные организации также продолжали действовать и выполнять возложенные на них государством функции. Эти функции кое-как и выполнялись. Что же касается самых важных прежде функций – производственной, фискальной, социальной защиты и судебной, то они либо умерли, либо умирали»⁴². Близкая точка зрения была высказана В.В.Белослудцевой, на примере Перми начала XX в. проанализировавшей эволюцию мещанства и мещанского самоуправления. В частности, она пришла к выводу о том, что «...за несколько десятков лет своего существования управа сыграла свою положительную роль в обществе. Но постепенно, с годами, все более замыкаясь в себе, в своих мелких заботах и проблемах, она утрачивает действительную связь с обществом и реальное значение для него. Управа как институт изживает себя и становится архаичной». К близким выводам на более широком историческом материале пришла В.В.Белослудцева в своей диссертации, отмечая деградацию деятельности мещанских обществ Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.⁴³

По данным Центрального статистического комитета на 1901 г. на Урале действовало 38 мещанских обществ⁴⁴, тогда как на рубеже веков здесь насчитывалось только 6 ремесленных обществ⁴⁵ и всего 4 купеческих общества⁴⁶. Исследователи сходятся во мнении, что эти сословные корпорации можно с уверенностью отнести к числу демократических институтов, роль которых в общественной жизни дореволюционного уральского города нельзя недооценивать. Даже в начале XX в. сохранялось традиционное корпоративное сознание членов-общественников, проявляясь в экономической и внеэкономической сферах общественной жизни⁴⁷.

Если число и роль сословных корпораций со временем все уменьшалась, то количество и значение различных общественных организаций резко увеличивалась. В историографии констатируется, что «взрыв», «бум» общественной самодеятельности приходится на начало XX в. «Нельзя забывать, - справедливо отмечает А.С.Туманова, - что в России более века назад происходил трудный процесс формирования гражданского общества, одним из проявлений которого было создание широкой сети общественных организаций, удовлетворявших разнообразные интересы российских подданных. Вторгаясь в такие сферы жизни, как образование, наука, здравоохранение, социальное обеспечение, благотворительность, общественные организации существенно дополняли, а иногда и заменяли действия правительства и органов местного самоуправления»⁴⁸.

Что касается определения «общественная организация», то в историографии устоялось определение А.Д.Степанского. Под общественными организациями понимаются добровольные, самоуправляющиеся и соответствующим образом оформленные объединения, создающиеся на постоянной основе для решения насущных

⁴² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империя (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. СПб., 1999. Т.1. С.502-507.

⁴³ Белослудцева В.В. Мещане и мещанская управа в Перми в начале XX века//Страницы прошлого: Избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Вып. 4/Сост. Т.И.Быстрых, А.Ф.Старовойтов. Пермь, 2003. С.94-97; Белослудцева В.В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. С.161.

⁴⁴ РГИА. Ф.1290. Оп.5. Д.179. Л. 47 об.-48, 89 об.-90, 93 об.-94, 133 об.-134.

⁴⁵ РГИА. Ф.1290. Оп.5. Д.155. Л.25-26, 30, 34.

⁴⁶ РГИА. Ф.1290. Оп.5. Д.178. Л.33-34, 37-38, 57-58.

⁴⁷ См. подробнее: Апкаримова Е.Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С.5-74.

⁴⁸ Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905 – 1917 гг. Тамбов, 2002. С.4.

проблем жизни граждан непроемчивого и некоммерческого характера⁴⁹. Сравнительно недавно в историографии получила освещение проблема реформирования законодательства об обществах и союзах и административная практика самоуправления в начале XX в.⁵⁰ Следует отметить переоценку исторической роли общественных организаций, которая наблюдается в современной историографии. Если представители советской историографии смотрели на добровольные объединения как на «придаток государственного аппарата», то теперь им отводится самостоятельное место в общественной жизни города⁵¹.

Что касается истории религиозных обществ и светских общественных организаций в городах Урала, то и здесь можно говорить о возрастающем научном интересе к истории отдельных обществ и первом опыте комплексных обобщающих исследований⁵². В этой связи можно отметить диссертацию Е.П.Пироговой, посвященную истории научно-просветительских обществ Пермской губернии в пореформенный период⁵³. На материалах Урала рассмотрена роль православных сообществ в общественной жизни города во второй половине XIX – начала XX в.⁵⁴

Рассмотренный материал позволяет заключить, что многие исследовательские подходы, выводы и оценки представителей советской этнографии относительно эволюции общественного быта российского провинциального города второй половины XIX – начала XX в. получили подтверждение и дальнейшее развитие в современных гуманитарных науках. Вместе с тем, произошло заметное обогащение теоретико-методологической базы исследований (во многом под влиянием западной историографии, в частности, достижений исторической антропологии), значительно разнообразился исторический инструментарий. Эти тенденции заметны и в уральской историографии, для которой характерен рост интереса ученых к проблеме общественного быта уральского города во второй половине XIX – начале XX в.

⁴⁹ Там же. С.7.

⁵⁰ См. монографию и достаточно полный обзор соответствующей историографии, данной в ней: Туманова А.С. Самоуправление и общественные организации в России. 1905 – 1917 гг. Тамбов, 2002.

⁵¹ См., также: Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX – XX веков. Пособие по спецкурсу. М., 1982; Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX – XX веков. Тамбов, 1999.

⁵² Верхотанцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913; Чагин Г.Н. Общественная жизнь г.Чердыни конца XIX – начала XX в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1990. С.125-126; Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996; Зайцев Г.Б. Художественная жизнь Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. 1997. Вып. №7. С.106-115, Шабалина Л.К., Лазаревич О.Ю. Екатеринбургский музыкальный кружок и его организаторы // Первые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1997. С.155-158; Микитюк В.П. Екатеринбургское общество велосипедистов и любителей физического развития // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999. С.240-243; Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001; Дашкевич Л.А. Начало деятельности Пермского дамского попечительства о бедных // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002. С.158-161; Братилова Ф.С. Кузгурское городское попечительство о бедных // Ярмарки на Урале. История и современность. Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции «Грибушинские чтения» (г.Кузгур, 28-29 марта 2002 г.). Кунгур, 2002. С.129-133 и др.

⁵³ Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс. ... ист. канд. ист. наук. Свердловск, 1989.

⁵⁴ Миненко Н.А., Алкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. С.206-265.